

Для обычного москвича он, пожалуй, слишком веселый. В 1982 году Александр Васильев женился и уехал в Париж. Ему было 24 года, он закончил школу-студию МХАТа, и его мало кто знал. Сейчас в Лондоне проходит выставка «От Бакста до Васильева».

Лев Самойлович Бакст — легендарный театральный художник, один из ведущих декораторов «Русских сезонов за границей» и антреприз Дягилева. А Саша Васильев — вот он, перед вами.

— Как вы считаете, Саша, вас знают на родине? Вас вообще занимает этот вопрос?

— Я не думал об этом, не знаю. Может, кто-то и помнит, в детстве с Надеждой Румянцевой я вел передачу «Будильник». На животе у меня был большой циферблат, на голове — шляпка. Еще я показывался в «Спокойной ночи, малыши!», была такая передача «Театр «Колокольчик». Я начал сниматься с восьми лет. На телевидение меня привела мама — Татьяна Гулевич, тогда артистка Центрального детского театра. Потом меня стали пробовать в кино. На роль Маленького принца, юного Ильича. Помните: «Когда был Ленин маленький с кудрявой головой, он тоже бегал в валенках...». Но это был незначительный эпизод в моей жизни, хотя и забавный.

— И что же вам помешало сыграть кудрявого Ленина?

— Даже не помню. То ли каникулы не совпали со съемками, то ли что-то еще. Мне и без того на телевидение без конца шли письма. В основном писали дети: «Хотим с тобой переписываться, высылаем тебе рисунок королевы». В общем, какая-то глупость. Но я думаю, что сейчас те дети вспомнят меня.

— Тем более что недавно вас представило «Пятое колесо».

— Теперь, когда еду в метро, люди толкают друг друга в бок: «Смотри, это тот, которого по «ящику» показывали». Правда, показывали меня с бакенбардами, и многие удивляются, что я приехал без баков. Но мода на них прошла. Советский человек не всегда понимает, что мода — явление преходящее. Или говорят: «Странно, вы раньше были в фиолетовом пиджаке, а сейчас почему-то в черном». Я хочу объяснить, что пиджаков у меня много...

— Неужели больше, чем у нашего редактора?

— Наверное, больше. А вот история специально для вашей газеты. Меня долго не принимали в комсомол. В школе сказали, что я недостойн. Потом, когда я стал работать в «Современнике», Костя Райкин дал мне рекомендацию, и я пошел в заведение, которое, по-моему, называлось Бауманским райкомом ВЛКСМ. Я работал бутафором и проходил по графе «рабочие». Полная дама в очках похвалила меня за правильный выбор и спросила: «А сколько орденов у комсомолода?» Я ответил что-то не то. «Неправильно. Шесть». И повела меня на самую главную комиссию. В большом зале под портретом Брежнева сидел дядечка в очках. Тетя с ним пошушукалась, поэтому, когда я вошел, он сразу спросил: «Сколько орденов у комсомолода?» Я ответил. «А-ах! Как же вы хорошо подготовились!» — И выдали мне билет: «Год рождения 1958, год вступления в члены ВЛКСМ — 1957». Так что я еще в утробе матери вступил в комсомол. А «выступили» меня оттуда за «систематическую неуплату членских взносов», в связи с тем, что находится за границей.

— А то бы вы остались?

— Конечно. Навеки, вместе с Иосифом Кобзоном.

— Вы — сценограф, художник по костюмам с мировым именем, коллекционер. А у нас, может быть, кто-то вспомнит передачу «Будильник»... Смешно!

— Все мы тщеславны. Тщеславие — это как перышком по животу. Я очень рад, что меня пригласили преподавать в Школу-студию МХАТа, ректор которой сейчас — Олег Табаков. До сих пор я читал лекции по истории европейской моды во Франции, Англии, Бельгии, Шотландии, Америке, Исландии. За полторы недели в Москве успел выступить в Доме моды на Кузнецком, на Арбате, в Союзе театральных деятелей, прочел цикл лекций студентам.

Кстати, я опасался, все-таки за восемь лет оторвался от здешней жизни. Но сту-

денты, которые ходили ко мне, такие же, как мои парижские. Многие записывают, очень логически все воспринимают и очень страдают от недостатка информации. Железный занавес дает о себе знать. Всегда советскому человеку вдалбливали, что он ущербный, что на Западе он ничегоньшеньки не сможет, и никому-то он не нужен, и чтобы сидел в уголку и не высовывался.

— Может быть, именно поэтому люди русской эмиграции, о которых знает весь мир, остаются неизвестны нам?

— Да, мало где ценят своих героев. А я хочу подчеркнуть, что русские очень талантливы, особенно в области искусства.

Года два назад в Париж приезжало советское телевидение для съемок передачи «Русские в Париже». Среди разных сюжетов была беседа с известным театральным художником. Он умер в этом году в возрасте 98 лет. Звали его Эртэ. Он уехал из России в 1912 году. Работал для Анны Павловой, Айседоры Дункан, для шпионки балерины Маты Хари, для Парижской оперы, для Метрополитен — для таких вот скромных мест. Здесь его абсолютно никто не знает. В этой беседе принимал участие и я. По телевидению сюжет мелькнул в две минуты. Когда я приехал сюда и спросил, не осталось ли видеокассеты с записью, мне сказали: «Мы ее стерли. Мы же не знали, что он умрет». Ну, конечно, когда человек дожил до 98 лет, можно рассчитывать на то, что он доживет и до 250-ти. Идиотизм! Это было его единственное интервью советскому телевидению.

— А сколько их не успели записать... Жизнь разбросала русских эмигрантов по всему миру. Какой город за границей, по вашему, самый русский, что ли?

— Есть города, которые напоминают Россию по архитектуре. Например, все фильмы про Москву снимают в Белграде, Ленинград — в Хельсинки. Но по населению, по духу самый русский город, я думаю, Париж, в котором живет 70 тысяч людей русского происхождения, и... Буэнос-Айрес, в котором 100 тысяч русских. В Париже издается русская газета, есть свои кафе, клубы. Раз в год проходят Императорские балы. В Брюсселе, Париже и Нью-Йорке. Я из года в год хожу только на Брюссельские балы. В последнюю пятницу января собираются в Зале королевских знатных собраний бельгийского короля потомки родового русского дворянства. Надевают длинные платья, жемчужные ожерелья. Танцуют сначала мазурку, потом кадрили...

— И вы умеете танцевать кадрили?

— А как же? Моя лучшая партнерша — графиня Апраксина. Не надо думать, что все пропало в тартарары, что все это расплылось. Так же висят фамильные портреты в дворянских семьях, так же расставлена мебель в домах, только дома разбросаны по всей Европе. И так же замуж стараются выходить за «своих». И так же крестят детей и учат их русскому язы-

ку. Хранят домашние архивы и никуда передавать их не собираются, потому что здесь, как водится, их или разворовывают, или они горят, или их заливают канализация.

«Да-а, было, было... И таланты были, да перевелись». Это не так. Это самая нату-

что я переживаю.

— Но вы же ездите в нашем метро. И вдруг такие оптимистические прогнозы о возрождении?

— Не все сразу. Меньше Сильвестра Сталлоне. Может быть, лучше показывать Феллини, Бергмана, а не «боевики», ко-

ИМПОРТНЫЙ РУССКИЙ ДУХ

Михаил Косенко - 1990. - 9 экз.

Фото Юрия ТРУБИШКОВА.

Театральный художник Александр Васильев: «Коммунизм — изобретение романтическое»

ральная пропаганда. Я мечтаю о возрождении в каждом русском человеке чувства собственного достоинства.

Например, в Японии есть русская шоколадная фабрика Морозова, делает лучший шоколад в этой стране. В Италии есть топ, который выпускает только модели княгини Голицыной. Президент русской консерватории имени Рахманинова — граф Шереметев. Масса специалистов в технических областях тоже русские. Может, с предложениями о сотрудничестве вам обратиться в первую очередь к выходцам из России?

Русский народ не настолько провинился перед историей, чтобы так долго расплачиваться за свои ошибки. Ему просто замутили мозги идеями. И всегда сравниваю политику с искусством. Маркс и Энгельс написали свой «Манифест» в 1848 году. А что это было за время в искусстве? Эпоха романтизма! И нельзя забывать, что жить в конце XX века с идеями романтизма смешно. Коммунизм — это романтическое изобретение. Поэтому он так вдохновлял Владимира Ильича. Все русские воспитаны на романтическом гении Пушкина. Мы слишком увлеклись романтизмом, добавив, правда, терроризм и русскую жестокость. Поэтому вам и трудно, но в том, что в конце концов станет хорошо, я не сомневаюсь.

— Хорошо верить, если живешь в Париже...

— Да, видимо. Можно даже сказать,

которые выпускаются для Гонконга. Чем вас пичкают! Каратэ какое-то — это же кошмар!

И в то же время закрыта Третьяковская галерея. Исторический музей ремонтируется пять лет. Как можно вернуть народу красоту, если даже негде поглядеть ее? Малый театр ремонтировался, в Большой попасть невозможно, дом Пашкова разваливается. Здесь, в России, ничего не делается для того, чтобы народ гордился своей богатейшей культурой.

Зато издают журнал «Бурда», предназначенный для немецких домохозяек, чтобы они знали, как правильно выкроить фартучек. А это ширпотреб. Немецкая мода считается самой низкой модой в Европе. Это — антимода. Может, лучше издать на русском языке знаменитый французский журнал «Эль» или «Депеш мод», прививать людям вкус?

А то, что я увидел по телевизору, — это же смеху подобно. Вы знаете: показывают все, что не модно. Надо-то показывать Париж, Лондон, Токио, Нью-Йорк, а никак не городок Шон-ван-Хаузен под Мюнхеном. Не может быть интернациональной выставки мод в деревне! Вас обманывают, выдавая суррогат западной культуры в ее низших образцах. И в то же время лишают всего национального. Я считаю, что «Макдоналдс» и «Пицца-Хат» — это анти-русская политика. Может, лучше, чем привносить всевозможные американские новшества, изобрести блинчики с икрой

по-русски и продавать этот патент по всему миру.

— Самое печальное, что нам абсолютно все равно, какую моду нам показывают. Токио это или деревня под Мюнхеном, главное, что одинаково далеко от нашей действительности.

— А надо, чтобы было не все равно. Надо воспитывать вкус, возрождать культуру. Я приехал сюда за свои деньги и работаю безвозмездно. Со своей стороны я делаю все возможное, чтобы вернуть людям национальное самосознание, чтобы они перестали чувствовать себя ущербными. Я хочу, чтобы и здесь вспомнили, что они могут быть элегантными, иметь изысканный вкус. Ведь все это было до 17-го года.

Сейчас все злятся на Раису Максимовну — слишком хорошо одевается. А она — жена Президента, она должна ходить в норке и в бриллиантах. Это — нормальное явление. Ненормально то, что другие не имеют доступа к такой одежде.

— С вашей точки зрения, как одевается Раиса Максимовна?

— Очень элегантно. Ее очень ценят на Западе, это вы должны знать. Ее костюмы всегда обсуждаются в прессе, потому что она витрина. Другое дело, что она витрина, не отражающая внутреннего состояния. Она одевается за границей, но в этом нет ничего плохого. Что ж вы хотите, чтобы она в валенках приезжала или, как здесь на улице ходят, в каком-нибудь полушубке?

Все проблемы оттого, что рубль — не конвертируемый. Но он будет таким. Еще при моей жизни.

— Лет через сколько?

— Не знаю. Поймите, я не политик. Что касается меня, то я собираюсь приехать с лекциями в Москву еще не один раз. Я верю в способности народа. А другие не верят, поэтому и тормозят: «Куда со свинным рылом в калашный ряд!» А у русских нет свинное рыло. И калашного ряда нет. Вчера зашел в Елисейский — «храм обжорств» — пчелиная патока в коробочках и целлофановые пакеты...

— Все ли захотят приехать в страну, которая изгнала их, не признала?

— Да все уже приезжали. Макаров, Нуриев, Ростропович, Вишневецкая, Берберова... Правда, никто пока не остался...

— Ирина Одолевцева.

— Да, очень милая женщина была. У меня много подписанных ею книг. Мы были с ней приятелями. Когда она уезжала в Ленинград, я купил ее мебель для своей коллекции.

— Насколько я знаю, вы начали ее собирать лет с восьми?

— Да, и продолжаю до сих пор. Когда я уже работал в театре, в «Юности» вышла статья, там подробно описывалась моя страсть к старине, к помылкам, к собиранию старинных шляп, кружев, фотографий. И на меня двинулась лавина писем: «Вчера за печкой нашла пару старых чулок, высылаю наложенным платежом». Подобным образом мне стали присылать всевозможные вещи. Хотя это и не было основным источником пополнения моей коллекции, само желание людей помочь очень трогало.

— А где же размещается ваша коллекция?

— Я экспонирую ее частями в Музее моды и костюма. Для иностранных государств моя коллекция не уникальна. Мебель из царских дворцов активно продавалась за границей в обмен на хлеб...

Но у вас не медвежий край, не верьте! Здесь есть еще прекрасные архивы, чудная архитектура. Еще живы старики, которые могут рассказать о том, как что было. Пусть люди хотя бы задумаются. Станут выбирать книги, придирчивее смотреть видеофильмы, будут стремиться правильно одеваться, интересно гримироваться. Сейчас на улице все женщины размазаны. Мне это напоминает театр Кабуки. Чем ярче — тем лучше. Ярче — значит по-западному. Ничего подобного.

Понятие красоты необходимо каждому свободному человеку. Если в стране нет эстетики, то в ней нет жизни, нет свободы.

Анастасия КАСЬЯНИКОВА.